

A 782

Эдгаръ По

262
782
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ЭДГАРА ПО
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ АНГЛІЙСКАГО
К. Д. БАЛЬМОНТА ТОМЪ ТРЕТІЙ

СТРАШНЫЕ РАЗСКАЗЫ,
ГРОТЕСКИ

МОСКВА 1911
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„СКОРПИОНЪ“

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

Г 3190-61

МОСКВА, —1911.

Товарищество типографии А. И. Мамонтова.
Леонтьевский пер., д. № 5.

2010513157

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Дьяволъ на колокольнѣ	1
Сфинксъ	13
Преждевременные похороны	20
Убийство въ улицѣ Моргъ	40
Тайна Мари Роже	88
Украденное письмо	153
Золотой жукъ	181
Нѣсколько словъ съ Муміей	229
Тысяча вторая сказка Шехеразады	252
Четыре звѣря въ одномъ	278
Король Чума	288
Послѣсловіе переводчика	305
Хронологическій списокъ произведеній Эдгара По . .	307

УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО.

Nil sapientiae odiosius acumine
nimio *).

Seneca.

Въ Парижѣ, какъ разъ послѣ темнаго и бурнаго осенняго вечера 18— года, я услаждался двойнымъ удовольствіемъ размышленія и пѣнковой трубки, въ обществѣ моего друга Ш. Огюста Дюпена, въ его небольшой библиотекѣ, *au troisième, No 33 Rue Dunot Faubourg Saint-Germain*. Добрый часъ мы соблюдали глубокое молчаніе; и каждый изъ насъ, какъ могло бы показаться какому-нибудь случайному наблюдателю, былъ напряженно и исключительно занять курчавыми круговоротами дыма, обременявшаго атмосферу комнаты. Что касается, однако, меня, я мысленно обсуждалъ извѣстныя темы, составлявшія предметъ нашего разговора въ началѣ вечера; я разумѣю дѣло улицы Моргъ, и тайну, связанную съ убійствомъ Маріи Рожэ. Я видѣлъ въ этомъ что-то вродѣ совпаденія, какъ вдругъ дверь нашей комнаты раскрылась, и пропустила стараго нашего знакомаго Monsieur Ж.—, Префекта Парижской Полиціи.

Мы сердечно его привѣтствовали; ибо въ немъ было столько же занимательнаго, сколько и достойнаго презрѣнія, и мы не видѣлись съ нимъ нѣсколько лѣтъ. Мы сидѣли въ темнотѣ, и Дюпенъ всталъ, чтобы зажечь лам-

*) Ничто такъ не враждебно мудрости какъ чрезмѣрная острота.

цу, но снова съль, не сдѣлавъ этого, когда Ж — сказалъ, что онъ зашелъ посовѣтоваться съ нами, или точнѣе, спросить мнѣніе моего друга, касательно одного официального дѣла, причинившаго много безпокойствъ.

„Если это что-нибудь, требующее размышленія“, замѣтилъ Дюпенъ, не зажигая свѣтильню, „мы лучше разсмотримъ это въ темнотѣ“.

„Вотъ еще одно изъ вашихъ странныхъ мнѣній“, сказалъ Префектъ, который имѣлъ привычку называть „страннымъ“ все, что было за предѣломъ его пониманія, и, такимъ образомъ, жилъ среди безмѣрнаго легіона „странностей“.

„Совершенно вѣрно“, сказалъ Дюпенъ, подавая своему гостю трубку и подкатывая къ нему удобное кресло.

„Въ чемъ же теперь затрудненіе“, спросилъ я, „не что-нибудь опять въ стилѣ убійства, надѣюсь?“

„О, нѣтъ; ничего подобнаго. Все въ томъ, что дѣло, по истинѣ, очень просто, и я не сомнѣваюсь, что мы сумѣемъ отлично справиться съ нимъ сами; но потомъ я подумалъ, что Дюпену пріятно будетъ узнать его детали, ибо оно такъ необычайно *странно*“.

„Просто и странно“, сказалъ Дюпенъ.

„Почему бы нѣтъ; и это не точно, что оно и то, и другое. Фактъ тотъ, что мы всѣ весьма были имъ озадачены, потому что дѣло *такъ* просто, и однако же, посмѣвается надъ нами“.

„Быть можетъ, это именно большая простота данной вещи ставитъ васъ въ тупикъ“, сказалъ мой другъ.

„Что за нонсенсъ вы *говорите!*“ отвѣтилъ Префектъ, весело смѣясь.

„Быть можетъ, тайна немного *слишкомъ* ясна“, сказалъ Дюпенъ.

„О, Боже Милосердный, кто слышалъ когда-нибудь что-либо подобное?“

„Немного *слишкомъ* очевидна“.

„Ха! ха! ха!—Ха! ха! ха!—Хо! хо! хо!“ ревъль нашъ гость, чрезвычайно позабавленный. „О, Дюпень, вы меня еще уморите!“

„А въ чемъ же, наконецъ, дѣло?“ спросилъ я.

„Что жь, я вамъ расскажу“, отвѣтилъ Префектъ, выпустивъ длинный, солидный, и созерцательный клубъ дыма, и плотно усаживаясь въ своемъ креслѣ. „Я скажу вамъ въ немногихъ словахъ; но, прежде чѣмъ начать, я долженъ предупредить васъ, что это—дѣло, требующее величайшаго соблюденія тайны, и что я, по всей вѣроятности, потерялъ бы свой постъ, если бы стало извѣстно, что я кому-нибудь сообщилъ о немъ“.

„Продолжайте“, сказалъ я.

„Или нѣтъ“, сказалъ Дюпень.

„Хорошо; я получилъ личное освѣдомленіе изъ сферъ весьма высокыхъ, что извѣстный документъ чрезвычайной важности былъ выкраденъ изъ королевскихъ апартаментовъ. Особа, его укравшая, извѣстна; это вѣ сомнѣніи; видѣли, какъ это лицо взяло его. Извѣстно также, что документъ все еще находится въ его обладаніи“.

„Какимъ образомъ это извѣстно?“ спросилъ Дюпень.

„Это ясно выведено“, отвѣтилъ Префектъ, „изъ природы самого документа, и изъ неоявленія извѣстныхъ результатовъ, которые сразу возникли бы, если бы онъ вышелъ изъ рукъ вора;—т.е. если бы онъ имъ воспользовался, какъ онъ, въ концѣ концовъ, конечно, собирается имъ воспользоваться“.

„Будьте немножко пояснѣе“, сказалъ я.

„Хорошо, я рискну настолько, чтобы сказать, что данная бумага даетъ ея обладателю извѣстную власть въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ такая власть имѣетъ огромную цѣнность“.

Префектъ обожалъ дипломатическое лицемѣріе.

„Я продолжаю ничего не понимать“, сказалъ Дюпень.

„Нѣтъ? Хорошо; разоблаченіе этого документа третьей

особѣ, которую я не назову, затронуло бы вопросъ о чести нѣкоторой особы, занимающей самое высокое положеніе; и этотъ фактъ даетъ обладателю документа возможность оказывать вліяніе на высокопоставленную особу, честь которой и спокойствіе, такимъ образомъ, подвергнуты опасности“.

„Но эта возможность оказывать вліяніе“, вмѣшался я, „зависѣла бы отъ того, что воръ знаетъ, что пострадавшій знаетъ вора. Кто посмѣлъ бы!“

„Воръ“, сказалъ Ж.—„это Министръ Д., — который посмѣетъ сдѣлать что угодно, то, что недостойно человѣка, и что его достойно. Способъ кражи былъ не менѣе находчивъ, чѣмъ смѣлъ. Упомянутый документъ—письмо, чтобы быть откровеннымъ—былъ полученъ высокой особой, обворованной, когда она находилась одна въ королевскомъ *будуарѣ*. Въ то время какъ она читала, ее внезапно прервалъ приходъ другой высокой особы, отъ которой она особенно желала скрыть это письмо. Послѣ послѣдней и напрасной попытки бросить письмо въ выдвижной ящикъ, она была вынуждена положить его вскрытымъ, какъ оно было, на столѣ. Адресъ, однако, былъ наверху, и содержаніе письма было такимъ образомъ скрыто, письмо не возбудило вниманія. Въ это самое время входитъ Министръ Д.—. Его рысьи глаза немедленно замѣчаютъ бумагу, онъ узнаетъ по адресу почеркъ, замѣчаетъ смущеніе высокой особы, и догадывается о ея секретѣ. Послѣ нѣкоторыхъ дѣловыхъ разговоровъ, осуществленныхъ на спѣхъ, по его обычной манерѣ, онъ вынимаетъ письмо, нѣсколько похожее на упомянутое, раскрываетъ его, дѣлаетъ видъ, что читаетъ, и затѣмъ кладетъ совсѣмъ рядомъ съ другимъ. Снова онъ разговариваетъ четверть часа объ общественныхъ дѣлахъ. Наконецъ, прощаясь, онъ беретъ со стола письмо, на которое онъ не имѣлъ никакихъ правъ. Законный собственникъ письма видѣлъ это, но, конечно, не посмѣлъ привлечь вниманія на по-

ступокъ въ присутствіи третьяго лица, стоявшаго рядомъ. И министръ скрылся во свояси, оставивъ на столѣ свое собственное письмо, совершенно незначительное“.

„Вотъ здѣсь“, сказалъ Дюпенъ, обращаясь ко мнѣ, „вы имѣете все, что требуется, чтобы имѣть цѣликомъ вліяніе—воръ знаетъ, что пострадавшій знаетъ вора“.

„Да“, отвѣчалъ Префектъ, „и власть, такимъ образомъ достигнутая, въ теченіи нѣсколькихъ истекшихъ мѣсяцевъ, была использована для политическихъ цѣлей до размѣровъ очень опасныхъ. Обокраденная особа съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждается въ необходимости получить назадъ свое письмо. Но это, конечно, не можетъ быть сдѣлано открыто. Словомъ, доведенная до отчаянія, эта особа довѣрила все дѣло мнѣ“.

„Лучше какового“, сказалъ Дюпенъ среди цѣлаго водворота дыма, „полагаю, нельзя и желать, или даже вообразить, проникательнаго агента“.

„Вы мнѣ льстите“, отвѣтилъ Префектъ; „но вполне возможно, что кое-кто составилъ обо мнѣ такое мнѣніе“.

„Ясно“, сказалъ я, „какъ вы замѣтили, что письмо еще находится въ рукахъ министра, разъ обладаніе письмомъ, а не какое-либо пользованіе имъ, даетъ власть. Съ использованіемъ письма власть исчезаетъ“.

„Это вѣрно“, сказалъ Ж. „и согласно съ такимъ убѣжденіемъ я и дѣйствовалъ. Первой моей заботой было тщательно обыскать квартиру министра; и тутъ, моимъ главнымъ затрудненіемъ была необходимость дѣлать обыскъ безъ его вѣдѣнія. Кромѣ всего, меня предостерегли касательно опасности, которая возникла бы, если бы я далъ ему основаніе подозрѣвать нашъ замыселъ“.

„Но“, сказалъ я, „вы совершенно какъ у себя дома въ такихъ разслѣдованіяхъ. Парижская полиція дѣлала это нерѣдко и раньше“.

„О, да; и потому-то я не отчаивался. Привычки министра, кромѣ того, давали мнѣ большое преимущество.“

Онъ часто уходитъ изъ дому на цѣлую ночь. Слуги его отнюдь не многочисленны. Они спятъ въ извѣстномъ отдаленіи отъ квартиры своего хозяина, и такъ какъ это, главнымъ образомъ, Неаполитанцы, ихъ легко напоить. У меня, какъ вы знаете, есть ключи, которыми я могу отпереть каждую комнату и каждый кабинетъ въ Парижѣ. Въ теченіи трехъ мѣсяцевъ ни одной ночи не прошло безъ того, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, я лично не былъ занятъ обшариваніемъ помѣщенія Д—. Моя честь здѣсь заинтересована, и, скажу вамъ большой секретъ, вознагражденіе огромное. Такимъ образомъ, я не оставлялъ своихъ поисковъ до тѣхъ поръ, пока не убѣдился вполне, что воръ—человѣкъ еще болѣе хитрый, чѣмъ я. Какъ я думаю, я осмотрѣлъ каждый уголь и каждый уголокъ въ квартирѣ, гдѣ возможно было бы спрятать бумагу“.

„Но развѣ невозможно“, сказалъ я, „что, хотя письмо можетъ быть въ рукахъ министра, какъ это безспорно и есть, онъ могъ спрятать его гдѣ нибудь въ иномъ мѣстѣ, а не у себя?“

„Это только возможно“, сказалъ Дюпень. „Настоящее особое положеніе дѣлъ при дворѣ, и, въ особенности, характеръ тѣхъ интригъ, въ которыя, какъ извѣстно, запутанъ Д—, дѣлаютъ мгновенное примѣненіе документа—возможность тотчасъ же, какъ только будетъ нужно, его извлечь—пунктомъ, почти такой же важности, какъ самый фактъ обладанія имъ“.

„Возможность его извлечь?“ сказалъ я.

„То-есть возможность его *уничтожить*“, сказалъ Дюпень.

„Это такъ“, замѣтилъ я; „ясно тогда, что бумага находится въ квартирѣ. Что касается того, чтобы письмо было на самой особѣ министра, мы можемъ считать это внѣ разговора“.

„Безусловно“, сказалъ Префектъ. „Его дважды

подстерегли какъ бы бродяги, и его особа была тщательно обыскана подъ моимъ наблюдениемъ“.

„Вы могли на этотъ счетъ не беспокоиться“, сказалъ Дюпень. „Д.—, какъ я полагаю, не совершенно лишень разсудка, и потому, конечно, долженъ былъ предвидѣть, что его въ этомъ родѣ подстерегутъ“.

„Не *совсѣмъ* лишень разсудка“, сказалъ Ж.—, „но все-таки онъ поэтъ, такъ что разница тутъ на мой взглядъ не велика“.

„Это такъ“, сказалъ Дюпень, выпустивъ клубъ дыма изъ своей пѣнковой трубки, послѣ долгой и глубокомысленной затыжки, „хотя я самъ былъ повиненъ въ нѣкоторыхъ виршахъ“.

„А не расскажете ли вы подробности своихъ розысковъ?“ сказалъ я.

„Почему нѣтъ; мы вполне использовали наше время и обыскали *всюду*. У меня въ этихъ дѣлахъ былъ большой опытъ. Я рассмотрѣлъ все зданіе, комнату за комнатой, посвящая каждой комнатѣ ночь цѣлой недѣли. Мы изслѣдовали сперва обстановку каждой комнаты. Мы открыли всевозможные выдвижные ящички; а вы, какъ я полагаю, знаете, что для надлежаще тренированного полицейскаго агента, такая вещь, какъ *секретный* выдвижной ящичекъ, есть невозможность. Каждый, кто дѣлалъ обыскъ такого рода, позволить какому-то „секретному“ ящичку ускользнуть отъ себя, есть совершеннѣйшая тупица. Это же *такъ* ясно. Въ каждомъ кабинетѣ есть извѣстное количество объемностей пространства, въ чемъ можно дать себѣ отчетъ. Затѣмъ, вѣдь, у насъ есть точныя правила. Отъ насъ не ускользнетъ пятидесятая часть линіи. Послѣ кабинетовъ мы взяли за стулья. Сидѣнья кресель мы испробовали тонкими, длинными иглами, которыми, какъ вы видѣли, я пользуюсь. Со столовъ мы сняли верхушки“.

„А это зачѣмъ?“

„Иногда лицо, желающее что-нибудь скрыть, снимает верхушку стола, или другую, аналогично устроенную, составную часть мебели; затѣмъ ножка выдалбливается, вещь кладется въ углубленіе, и верхушка помещается на прежнее мѣсто. Такимъ же образомъ пользуются низомъ, или верхомъ постельныхъ подпорокъ“.

„Но развѣ углубленіе не могло быть отыскиваемо выстукиваніемъ?“ спросилъ я.

„Отнюдь нѣтъ, если, положивъ вещь, достаточнымъ образомъ обернуть ее ватой. Притомъ, въ данномъ случаѣ, мы должны были дѣйствовать безъ шума“.

„Но вы не могли сдвинуть—вы не могли разобрать на части *все* предметы обстановки, въ которыхъ было бы возможно запрятать вещь, описываемымъ вами образомъ. Письмо можетъ быть закручено въ тонкій спиральный свертокъ, не очень отличающійся, по формѣ и по объему, отъ большой вязальной иглы, и въ такомъ видѣ быть введено, напримѣръ, въ деревянный перехват кресла. Вѣдь вы же не разобрали по частямъ *все* кресла?“

„Конечно, нѣтъ; но мы сдѣлали лучше — мы разсмотрѣли деревянные части каждаго кресла въ кварцгирѣ, и даже всякаго рода смычки въ мебели, съ помощью очень сильнаго микроскопа. Если бы тутъ были какіе-нибудь слѣды недавняго беспорядка, мы бы не преминули открыть ихъ немедленно. Малое зернышко пыли отъ буравчика было бы, напримѣръ, явнымъ, какъ яблоко. Какой-нибудь непорядокъ въ клейкѣ—какая-нибудь необычная расщелинка въ смычкахъ—немедленно бы навели сыскъ на вѣрный слѣдъ“.

„Я полагаю, вы осмотрѣли зеркала, между стеклами и рамами, и вы освидѣтельствовали постели и одѣяла, такъ же какъ занавѣси и ковры?“

„Это конечно; и когда мы освидѣтельствовали, такимъ образомъ, безусловно каждую частицу обстановки, тогда мы стали обыскивать самый домъ. Мы раздѣлили всю его

поверхность на отдѣлы, которые мы перенумеровали такъ, что ни одинъ не могъ быть опущенъ; затѣмъ мы тщательно освидѣтельствовали каждый квадратный дюймъ помѣщенія, включивъ сюда два дома, непосредственно примыкающіе, и какъ прежде примѣнили микроскопъ“.

„Два смежныхъ дома?“ воскликнулъ я. „Достаточно же, должно быть, у васъ было хлопотъ“.

— „Достаточно; но предложенное вознагражденіе огромно“.

„Въ понятіе домовъ вы включаете самыя основанія?“

„Всѣ основанія вымощены кирпичемъ, въ этомъ у насъ было, сравнительно, мало затрудненій. Мы изслѣдовали мохъ между кирпичами, и нашли, что онъ не потревоженъ“.

„Вы осмотрѣли, конечно, бумаги Д.— и книги въ его библиотекѣ?“

„Конечно; мы развернули каждую связку, освидѣтельствовали каждый листокъ; мы не только раскрыли каждую книгу, но мы повернули каждый листокъ въ каждой книгѣ, не довольствуясь простымъ встряхиваніемъ книги, какъ это дѣлаютъ обыкновенно полицейскіе офицеры. Мы измѣрили также толщину каждого переплета, самымъ тщательнымъ смѣриваніемъ, и неукоснительно примѣняя къ каждому ревнивое око микроскопа. Если бы какимъ-нибудь переплетомъ недавно воспользовались, было бы совершенной невозможностью, чтобы этотъ фактъ ускользнулъ отъ нашего наблюденія. Томовъ пять или шесть, только что вышедшихъ изъ мастерской переплетчика, мы тщательно испробовали вдоль иглама“.

„Вы изслѣдовали полы подъ коврами?“

„Безъ сомнѣнія. Мы содвинули каждый коверъ, и разслѣдовали доски подъ микроскопомъ“.

„А стѣнные обои?“

„Да“.

„Вы заглянули въ подвалы?“

„Заглянули“.

„Тогда вашъ расчетъ невѣренъ“, сказалъ я, „и письмо не въ квартирѣ, какъ вы предполагаете“.

„Боюсь, что вы въ этомъ правы“, сказалъ Префектъ.

„А теперь, Дюпенъ, что бы вы мнѣ совѣтовали сдѣлать?“

„Сдѣлать новый полный обыскъ въ квартирѣ“.

„Это абсолютно бесполезно“, отвѣчалъ Ж.—„Я не болѣе убѣжденъ въ томъ, что я дышу, чѣмъ въ томъ, что письма въ квартирѣ нѣтъ“.

„Я не могу дать вамъ никакого лучшаго совѣта“, сказалъ Дюпенъ. „Вы, конечно, имѣете точное описаніе письма?“

„О, да!“

И тутъ Префектъ, вынувъ записную книжку, громкимъ голосомъ сталъ читать подробное описаніе внутренняго, и въ особенности внѣшняго, вида пропавшаго документа. Вскорѣ послѣ того, какъ онъ окончилъ чтеніе этого описанія, онъ простился съ нами, и никогда еще раньше я не видѣлъ этого добраго джентльмена въ такомъ подавленномъ состояніи.

Приблизительно мѣсяцъ спустя послѣ этого, онъ снова зашелъ къ намъ, и нашелъ насъ въ точности за тѣмъ же занятіемъ, какъ и раньше. Онъ взялъ трубку, сѣлъ въ кресло и затѣялъ какой-то незначительный разговоръ. Наконецъ я сказалъ:

„Прекрасно, а что же господинъ Ж.—, какъ украденное письмо? Я думаю, вы, наконецъ, примирились съ тѣмъ, что невозможно перещегоолять Министра?“

„Чтобъ чортъ его побралъ,—скажу я,—да; я, однако, сдѣлалъ вторичный обыскъ, какъ совѣтовалъ Дюпенъ, но все оказалось напраснымъ, какъ я и думалъ“.

„Какъ велико вознагражденіе, сказали вы?“ спросилъ Дюпенъ.

„Да очень большое, знаете ли—*весьма* щедрое вознагражденіе—не хочу сказать, сколько именно въ точности; но *скажу* одно, что я не поколебался бы дать отъ себя чекъ въ пятьдесятъ тысячъ франковъ каждому, кто могъ бы доставить мнѣ это письмо. Дѣло въ томъ, что, день ото дня, оно все возрастаетъ въ важности; и вознагражденіе недавно было удвоено. Но, если бы оно даже было утроено, я не могъ бы сдѣлать больше того, что я сдѣлалъ“.

„Что же, да“, сказала Дюпенъ, цѣдя слоги между затяжками изъ своей пѣнковой трубки, „я, по правдѣ сказать, думаю, Ж.—, что вы не постарались до конца. Вы могли бы сдѣлать немножко больше, такъ я думаю, гмъ“.

„Что? Какимъ образомъ?“

„Ну почему-жь—пуфъ, пуфъ—вы могли бы, пуфъ, пуфъ—прибѣгнуть къ совѣту въ этомъ дѣлѣ, гм!—пуфъ, пуфъ, пуфъ. Вы помните исторію, которую рассказываютъ объ Обернети *):“

„Нѣтъ; чортъ бы побралъ Обернети“.

„Ну, конечно! Чортъ бы побралъ его и прошу пожаловать. Но было какъ-то разъ, одинъ богатый скряга замыслилъ попользоваться у этого Обернети медицинскимъ мнѣніемъ. Затѣявъ съ нимъ, съ этою цѣлью, самый обыкновенный разговоръ въ частномъ обществѣ, онъ изобразилъ этотъ случай передъ врачомъ, какъ случай съ воображаемымъ больнымъ. Предположите, сказалъ скупецъ, что симптомы такіе-то и такіе-то; ну, докторъ, что бы вы предложили ему сдѣлать? Что сдѣлать, сказалъ Обернети, да что-жь, *посоветоваться съ врачомъ, конечно*“.

„Но“, сказалъ Префектъ, пѣсколько смущенный, „я *совершенно* готовъ посоветоваться и заплатить. Я *дѣйствительно* готовъ былъ бы дать пятьдесятъ тысячъ франковъ любому, кто помогъ бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ“.

*) Обернети—знаменитый врачъ. К. Б.

„Въ такомъ случаѣ“, отвѣтилъ Дюпенъ, выдвигая ящикъ письменнаго стола и вынимая чековую книжку, „вотъ, вы можете заполнить чекъ означеніемъ данной суммы. Когда вы его подпишете, я вручу вамъ письмо“.

Я былъ изумленъ. Префектъ былъ какъ пораженный громомъ. Въ теченіи нѣкотораго времени онъ оставался безгласнымъ и недвижнымъ, недвижимо смотря на моего друга, съ открытымъ ртомъ, и съ глазами, которые какъ будто хотѣли выскочить изъ орбитъ; потомъ, повидимому, нѣсколько придя въ себя, онъ схватилъ перо, и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и напряженныхъ отсутствующихъ взглядовъ, онъ написалъ и подписалъ чекъ на пятьдесятъ тысячъ франковъ, и подалъ его черезъ столъ Дюпену. Послѣдній тщательно разсмотрѣлъ его и положилъ въ свою памятную книжку; потомъ, отперевъ конторку, онъ вынулъ оттуда письмо, и подалъ его Префекту. Этотъ чиновникъ судорожно уцѣпился за него, въ совершенной агоніи радости, раскрылъ его дрожащей рукой, бросилъ быстрый взглядъ на его содержаніе, и потомъ, невѣрно дѣйствуя руками и ногами, добрался наконецъ до двери, и безъ церемоній ринулся черезъ нее изъ комнаты, не произнеся ни одного слова съ тѣхъ поръ какъ Дюпенъ попросилъ его написать чекъ.

Когда онъ ушелъ, мой другъ сдѣлалъ нѣсколько изъясненій.

„Парижская полиція“, сказалъ онъ, „чрезвычайно искусна по своему. Она настойчива, находчива, хитра, и вполне освѣдомлена во всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, которыя, повидимому, требуются, главнымъ образомъ, для исполненія ея обязанностей. Такимъ образомъ, когда Ж.— подробно описалъ намъ свой способъ обыскиванія комнатъ въ квартирѣ Д.—, я чувствовалъ полное довѣріе къ тому, что онъ сдѣлалъ удовлетворительный обыскъ—поскольку это касалось его усилій“.

„Поскольку это касалось его усилій?“ сказалъ я.

„Да“, отвѣчалъ Дюпенъ. „Мѣры, принятыя имъ, были не только лучшими въ своемъ родѣ, но и выполнены были съ безусловнымъ совершенствомъ. Если бы письмо было спрятано въ предѣлахъ ихъ сыска, эти молодчики, безъ сомнѣнія, нашли бы его“.

Я лишь разсмѣялся, но онъ, повидимому, говорилъ совершенно серьезно.

„Мѣры, такимъ образомъ“, продолжалъ онъ, „были хороши въ своемъ родѣ и были хорошо выполнены, недостатокъ же ихъ заключался въ томъ, что они были непримѣнимы къ данному случаю и къ данному человѣку. Извѣстный рядъ высоконаходчивыхъ приѣмовъ является у Префекта нѣкотораго рода Прокрустовымъ ложемъ, къ которому онъ насильственно приспособляетъ свои замыслы. Но онъ безпрестанно заблуждается оттого, что онъ слишкомъ глубокъ или слишкомъ мелокъ въ такомъ-то дѣлѣ, и не одинъ школьникъ лучше разсуждаетъ, чѣмъ онъ. Я зналъ одного мальчика восьми лѣтъ, успѣшное угаданіе котораго при игрѣ въ четъ и нечетъ возбуждало всеобщее восхищеніе. Это игра простая и играютъ въ нее шариками. Игрокъ держитъ въ своей рукѣ извѣстное число этихъ пустанковъ и спрашиваетъ другого, четное это число или нечетное. Если догадка вѣрна, догадавшійся выигрываетъ, если невѣрна — теряетъ. Мальчикъ, о которомъ я говорю, выигралъ все шарикъ, имѣвшіеся въ школѣ. Конечно, онъ имѣлъ какой нибудь принципъ угаданія, и принципъ этотъ заключался въ простомъ наблюденіи и смѣриваніи хитрости его состязателей. Напримѣръ, его противникъ совершенный простакъ, и, держа шарикъ и зажавъ ихъ въ рукѣ, спрашиваетъ, четъ или нечетъ? Напѣ школьникъ отвѣчаетъ нечетъ, и проигрываетъ. Но при вторичной игрѣ онъ выигрываетъ, ибо онъ тогда говоритъ себѣ — „Въ первомъ случаѣ у простака былъ четъ, и весь запасъ его хитрости заключается лишь въ томъ, чтобы во второмъ случаѣ сдѣлать нечетъ, я скажу по-

этому нечеть“, онъ говоритъ нечеть и выигрываетъ. Съ простакомъ, который на степень выше, чѣмъ первый, онъ разсуждаетъ такъ: „Этотъ молодчикъ видитъ, что въ первомъ случаѣ я сказалъ нечеть, во второмъ случаѣ онъ, по первому побужденію, предложить себѣ перемѣнить четъ на нечеть, какъ сдѣлалъ первый простакъ, но затѣмъ второй его мыслью будетъ внушеніе, что это слишкомъ простая перемѣна, и наконецъ, онъ рѣшится оставить какъ прежде. Я скажу поэтому, четъ“, онъ говоритъ четъ и выигрываетъ. Итакъ, весь способъ размышленія у этого школьника, котораго его товарищи называютъ счастливымъ, — что онъ, въ концѣ концовъ, изъ себя представляетъ?

„Онъ просто представляетъ изъ себя“, сказалъ я, „отождествленіе ума того, кто разсуждаетъ, съ умомъ его противника“.

„Именно такъ“, сказалъ Дюпенъ. „И когда я спросилъ мальчика, какимъ образомъ онъ достигаетъ *полнаго* отождествленія, въ которомъ состоялъ его успѣхъ, онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее: „Когда я хочу узнать, насколько уменъ или насколько глупъ кто-нибудь, насколько онъ добръ или насколько золъ, или какія у него мысли въ данную минуту, я придаю выраженію моего лица, по возможности, тотъ самый въ сущности оттѣнокъ, который есть въ выраженіи его лица, и затѣмъ жду, какія мысли и какія чувства возникнутъ въ моемъ умѣ или сердцѣ, какъ бы для согласованія съ этимъ выраженіемъ“. Этотъ отвѣтъ школьника лежитъ въ основаніи всей ложной глубины, которая была найдена у Ларошфука, Лабрюйера, Макіавелли, и Кампанеллы.

„И отождествленіе ума того, кто разсуждаетъ“, сказалъ я, „зависитъ, если я понимаю васъ правильно, отъ точности, съ которою оцѣнивается умъ противника“.

„Практическая оцѣнка зависитъ отъ этого“, отвѣчалъ Дюпенъ, „и Префектъ, вмѣстѣ съ своей когортой, оши-

бастся такъ часто, во-первыхъ, благодаря недостатку такого отождествленія, и, во-вторыхъ, благодаря дурной оцѣнкѣ, или благодаря отсутствію оцѣнки того ума, съ которымъ они имѣютъ дѣло. Они разсматриваютъ лишь свои *собственные* замыслы находчивости, и, отыскивая что-нибудь скрытое, они соображаютъ лишь тѣ способы скрыть, которые примѣнили бы *они*. Въ этомъ они правы весьма—поскольку ихъ собственная находчивость есть вѣрное отображеніе находчивости *толпы*; но, когда хитрость какого-нибудь отдѣльнаго мошенника отлична по характеру отъ ихъ собственной, мошенникъ, конечно, сражаетъ ихъ. Это случается всегда, когда такая хитрость выше ихъ собственной, и очень часто, когда она ниже. Они не разнообразяютъ принципа при своихъ разслѣдованіяхъ; въ лучшемъ случаѣ, когда ихъ побуждаетъ какая-нибудь необычная крайность, какое-нибудь чрезвычайное вознагражденіе, они расширяютъ, или преувеличиваютъ, свои старые способы *практики*, не касаясь своихъ принциповъ. Что, на примѣръ, было сдѣлано въ этомъ домѣ Д.— для видоизмѣненія принципа дѣйствія? Что означаютъ всѣ эти пробуравливанія, пробованія, зондированія, и разсматриванія черезъ мекроскопъ, всѣ эти раздѣленія плоскостей зданія на зарегистрированные квадратные дюймы— какъ не простое преувеличеніе въ *примѣненіи* одного принципа, или нѣсколькихъ принциповъ разслѣдованія, которые основаны на извѣстномъ рядѣ представленій, касающихся человѣческой находчивости—представленій, къ которымъ Префектъ, за долгую свою служебную рутину, привыкъ? Развѣ вы не видите, что онъ считаетъ за признанное, что *все* люди, пряча письмо, прибѣгаютъ—ну, не въ точности къ отверстию, пробуравленному въ ножкѣ кресла—но, по крайней мѣрѣ, къ *какой-нибудь* необычной дыркѣ, или къ уголку, указанному тою же самою системой мыслей, которая побудила бы человѣка прятать письмо въ пробуравленной ножкѣ кресла? И не видите

ли вы также, что такіе изысканные уголки для прятанія вещей примѣняются лишь въ заурядныхъ случаяхъ, и къ нимъ прибѣгаютъ лишь заурядные умы, ибо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ спрячутъ вещь, этотъ способъ ее спрятать, способъ укрыть ее въ нарочно отысканномъ уголкѣ, съ самаго начала возможно предположить, и съ самаго начала на него наталкиваются, и, такимъ образомъ, открытіе этого уголка зависитъ вовсе не отъ остроты разумія, а цѣликомъ отъ простой тщательности, терпѣнія, и рѣшимости ищущихъ, и тамъ, гдѣ возникаетъ важный случай, или, что сводится къ тому же въ полицейскихъ глазахъ, тамъ, гдѣ вознагражденіе основательное, упомянутыя качества *никогда* не избѣгали случая быть примѣненными? Вы поймете теперь, чтѣ я разумѣлъ, говоря, что, если бы украденное письмо было спрятано гдѣ-нибудь въ предѣлахъ розысковъ Префекта — другими словами, если бы принципъ, примѣненный при укрытіи его, естественно былъ включенъ въ принципы Префекта — письмо было бы, конечно, найдено, это вѣд сомнѣнія. Однако же, сей чиновникъ подвергся полной мистификаціи, и отдаленнымъ источникомъ его пораженія является предположеніе, что Министръ полоумный, потому что онъ списалъ репутацію поэта. Всѣ полоумные — поэты, Префектъ это *чувствуетъ*, и онъ лишь повиненъ въ *non distributio medii*, въ невѣрномъ логическомъ расчлененіи, выведя отсюда умозаключеніе, что всѣ поэты полоумные“.

„Но развѣ онъ дѣйствительно поэтъ?“ спросилъ я, „Я знаю, что ихъ два брата, и оба были отмѣчены въ литературѣ. Министръ, сколько помню, написалъ весьма ученое сочиненіе о Дифференціальномъ Исчисленіи. Онъ математикъ, а не поэтъ“.

„Вы ошибаетесь; я знаю его хорошо; онъ и то, и другое. Какъ поэтъ и математикъ, онъ долженъ разсуждать хорошо; какъ просто математикъ, онъ не могъ бы

разсуждать вовсе, и, такимъ образомъ, былъ бы въ полномъ распоряженіи у Префекта“.

„Вы удивляете меня этими мнѣніями“, сказалъ я, „весь міръ, въ данномъ случаѣ, противъ васъ. Вы же не хотите свести къ нулю правильно выношенную мысль столѣтій. Математическій разумъ давно разсматривался, какъ разумъ *par excellence*“.

„Il y a à parier“ отвѣчалъ Дюпенъ, цитируя Шамфора,— „que toute idée publique, toute convention reçue, est une sottise, car elle a convenu au plus grand nombre“. („Можно биться объ закладъ, что всякая общественная мысль, всякая принятая условность есть глупость, ибо она подошла къ наибольшему числу“). „Математики, я съ вами согласенъ, сдѣлали все, что могли, чтобы распространить общепринятую ошибку, на которую вы указываете, и которая оттого, что она распространена какъ истина, не перестала быть ошибкой. Съ искусствомъ, достойнымъ лучшей участи, они, напримѣръ, захотѣли употреблять терминъ „анализъ“ въ примѣненіи къ алгебрѣ. Первые виновники въ этомъ особенномъ обманѣ суть Французы; но, если извѣстный терминъ представляетъ важность, если слова заимствуютъ свою цѣнность изъ примѣненія ихъ, тогда „анализъ“ можно переводить— „алгебра“, приблизительно такъ же, какъ въ латинскомъ языкѣ *ambitus* означаетъ амбиція, *religio*—религія, или *homines honesti*—честные люди.

„Я тутъ вижу возможность ссоры“, сказалъ я, „съ нѣкоторыми алгебраистами города Парижа — но продолжайте“.

„Я оспариваю примѣнимость и, такимъ образомъ, цѣнность того разума, который культивированъ какимъ-либо инымъ особеннымъ образомъ, кромѣ чистой отвлеченной логики. Я оспариваю, въ особенности, разумъ, воспитанный на изученіи математики. Математика есть знаніе формы и количества, математическое разсужденіе есть

лишь просто логика въ примѣненіи къ наблюденію надъ формой и количествомъ. Большая ошибка заключается въ предположеніи, что даже истины того, что именуется *чистой* алгеброй, суть истины отвлеченныя, или общія. И эта ошибка столь огромна, что я пораженъ той всеобщностью, съ которою ее принимаютъ. Математическія аксіомы *не* суть аксіомы общей истины. Что вѣрно въ *отношеніи* - формы и количества—часто грубо невѣрно въ примѣненіи къ морали, напримѣръ. Въ этой послѣдней области знанія весьма обычно является невѣрнымъ, что сумма частей равна цѣлому. Въ химіи также аксіома терпитъ фіаско. При разсмотрѣніи мотива она терпитъ фіаско потому, что два мотива, каждый съ определенной цѣнностью, будучи соединенными, не имѣютъ, необходимо, цѣнности, равной суммѣ ихъ отдѣльныхъ цѣнностей. Есть многочисленныя другія математическія истины, которыя суть лишь истины въ предѣлахъ *соотношенія*. Но математикъ, по привычкѣ, обращается съ *конечными истинами* такъ, какъ если бы они имѣли абсолютно общую примѣнимость—какъ весь міръ, на самомъ дѣлѣ, относительно ихъ и воображаетъ. Брайэнтъ, въ своей весьма ученой „Миеологіи“, упоминаетъ объ аналогичномъ источникѣ ошибки, когда онъ говоритъ, что „хотя въ языческіе вымыслы болѣе не вѣрятъ, все-таки мы постоянно забываемся и дѣлаемъ изъ нихъ выводы, какъ изъ существующихъ реальностей“. Съ алгебраистами, однако, коп сами суть Язычички, дѣло обстоитъ такъ, что въ „Языческіе вымыслы“ *вѣрятъ*, и изъ нихъ дѣлаютъ выводы, не столько благодаря измѣнѣ памяти, сколько въ силу необъяснимаго затмѣнія умовъ. Словомъ, я никогда не встрѣчалъ простаго математика, которому можно было бы довѣрять за предѣлами корней и уравненій, или такого, который втайнѣ не держался бы какъ за Символь Вѣры за то, что $X^2 + PX$ абсолютно и безусловно равны Q . Скажите одному изъ этихъ джентльменовъ, если вамъ угодно, въ видѣ опыта,

что на вашъ взглядъ могутъ существовать случаи, когда $X^2 + PX$ не цѣликомъ равны Q , и, втолковавъ ему то, что вы разумѣете, возможно скорѣе спасайтесь изъ предѣловъ его досягаемости, такъ какъ, безъ сомнѣнія, онъ попытается васъ поколотить“.

„Я хочу сказать“, продолжалъ Дюпенъ, между тѣмъ, какъ я только разсмѣялся на его послѣднее замѣчаніе, „что, если бы Министръ былъ не болѣе какъ математикомъ, Префекту не понадобилось бы давать мнѣ этотъ чекъ. Я зналъ его, однако, за математика и поэта, и я принялъ мѣры, соотвѣтственныя съ его способностями, и съ обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился. Я зналъ, что онъ человѣкъ придворный, кромѣ того, и что онъ смѣлый *интриганъ*. Такой человѣкъ, разсудилъ я, не могъ не знать обычныхъ полицейскихъ способовъ дѣйствовать. Онъ не могъ не предвидѣть—и событія доказали, что онъ предвидѣлъ—подстерганій, которымъ онъ подвергся. Онъ долженъ былъ предусмотрѣть, размышлялъ я, тайный обыскъ своей квартиры. Его частые уходы изъ дому по ночамъ, которые Префектъ привѣтствовалъ, какъ вспомогательныя средства успѣха, я считалъ лишь *хитростью* съ цѣлью доставить полиціи возможность произвести полный обыскъ, и такимъ образомъ возможно скорѣе внушить убѣжденіе—къ которому Ж.—, дѣйствительно, и пришелъ—что письма въ квартирѣ нѣтъ. Я чувствовалъ также, что вся цѣпь мысли, которую я съ нѣкоторымъ затрудненіемъ только что передъ вами развернулъ, касательно неизмѣннаго принципа полицейскихъ мѣропріятій при отыскиваніи скрываемыхъ предметовъ — я чувствовалъ, что вся эта цѣпь мысли неизбѣжно должна была пройти въ умѣ Министра. Она должна была побѣдительно внушить ему пренебреженіе ко всѣмъ обычнымъ *уголкамъ*, въ которые прячутъ. Онъ не могъ быть, размышлялъ я, столь слабымъ, чтобы не увидать, что самые запутанные и отдаленные уголки его квартиры были бы такъ же открыты,

какъ самые обыкновенные его шкафы, для глазъ, пробъ, буравчиковъ, и микроскоповъ Префекта. Я видѣлъ, словомъ, что онъ будетъ приведенъ самымъ предметомъ къ *простотѣ*, если онъ не прибѣгнетъ къ ней умышленно, по добровольному выбору. Вы вспомните, быть можетъ, какъ отчаянно хотѣлъ Префектъ, когда во время перваго нашего разговора я высказалъ предположеніе, что быть можетъ эта тайна смущаетъ его какъ разъ потому, что она *такъ* очевидна“.

„Да“, отвѣтилъ я, „я хорошо помню, какъ онъ веселился. Я по-истинѣ думалъ, что онъ помереть въ судорогахъ“.

„Міръ вещественный“, продолжалъ Дюпенъ, „изобилуетъ самыми строгими аналогіями съ міромъ невещественнымъ; и такимъ образомъ, нѣкоторый оттѣнокъ истины былъ данъ той риторической догмѣ, что метафора, или уподобленіе, можетъ усиливать доводъ такъ же, какъ украшать описаніе. Принципъ *силы инерціи*, напримѣръ, кажется тождественнымъ въ физикѣ и метафизикѣ. Какъ въ первой вѣрно то, что большее тѣло приводится въ движеніе съ большею трудностью, чѣмъ меньшее, и что послѣдующая *скорость движенія* соизмѣрима съ этой трудностью, такъ во второй вѣрно то, что разумы большихъ способностей, будучи болѣе сильными, болѣе постоянными, и болѣе подверженными случайностямъ въ своемъ движеніи, чѣмъ разумы низшей степені, менѣе легко приводятся въ движеніе, болѣе затруднены, и болѣе полны колебанія при самыхъ первыхъ шагахъ своего поступательнаго хода. Затѣмъ; замѣчали ли вы когда-нибудь, какія изъ магазинныхъ вывѣсокъ привлекаютъ наиболѣе вниманіе?“

„Я никогда объ этомъ не размышлялъ“, сказалъ я.

„Есть игра угаданій“, продолжалъ онъ, „въ нее играютъ по географической картѣ. Одинъ игрокъ проситъ другаго угадать задуманное слово — имя города, рѣки, провинціи, или имперіи — словомъ, какое-нибудь названіе, имѣющееся на пестрой и спутанной поверхности карты.“

Новичекъ въ этой игрѣ обыкновенно старается затруднить своихъ противниковъ, выбирая наиболѣе мелко напечатанные имена, а искусившійся выбираетъ такія слова, которыя крупнымъ шрифтомъ проходятъ отъ одного конца карты къ другому. Такія слова такъ же, какъ вывѣски и уличныя объявленія, сдѣланныя слишкомъ широкими буквами, ускользаютъ отъ наблюденія, благодаря именно тому, что они слишкомъ очевидны; и здѣсь, физическій недосмотръ въ точности схожъ съ недосмотромъ моральнымъ, благодаря которому разумъ пропускаетъ такія соображенія, которыя слишкомъ назойливо и слишкомъ осязательно очевидны. Но это пунктъ, который, повидимому, нѣсколько выше или ниже пониманія Префекта. Онъ никогда не считалъ вѣроятнымъ или возможнымъ, чтобы Министръ выложилъ письмо какъ разъ подъ носомъ у цѣлаго міра, съ цѣлью наилучшимъ образомъ возбранить нѣкоторой части этого міра усмотрѣть его.

„Но чѣмъ болѣе я размышлялъ о смѣлой, дерзкой, и четко-разбирающей находчивости Д.—, чѣмъ болѣе я размышлялъ о томъ фактѣ, что данный документъ всегда долженъ былъ быть *подъ рукою*, чтобы имъ можно было воспользоваться при первомъ же случаѣ,—и о той рѣшительной очевидности, полученной Префектомъ, что онъ не былъ спрятанъ въ предѣлахъ обычныхъ поисковъ этой достойной особы—тѣмъ болѣе я убѣждался, что Министръ прибѣгъ къ широкому и мудрому средству не скрывать его вовсе.

„Преисполненный такими мыслями, я запасся зелеными очками, и въ одно прекрасное утро совершенно неожиданно зашелъ на министерскую квартиру. Я засталъ Д.— дома, зѣвающимъ, бездѣльничавшимъ, и преданнымъ всякимъ пустякамъ, какъ обыкновенно, и притязавшимъ на послѣднюю степень скуки. Онъ, быть можетъ, самый энергичный человѣкъ, какой только нынѣ живеть, но это только тогда, когда никто его не видитъ.

„Чтобы поквитаться съ нимъ, я сталъ жаловаться на мои слабые глаза и скорбѣть о необходимости носить очки, подъ прикрытіемъ коихъ я осторожно и тщательно осматрѣлъ все апартаменты, дѣлая видъ въ то же время, что я лишь слѣжу за бесѣдою моего хозяина.

„Я удѣлилъ особое вниманіе большому письменному столу, около котораго онъ сидѣлъ, и на которомъ въ безпорядкѣ лежали разныя письма и другія бумаги, одинъ, или два музыкальныхъ инструмента, и нѣсколько книгъ. Здѣсь, однако, послѣ долгаго и весьма тщательнаго разслѣдованія, я не увидѣлъ ничего, что могло бы вызывать какое-нибудь особенное подозрѣніе.

„Наконецъ, глаза мои, осматривая всю комнату кругомъ, упали на дрянную филигранную рѣшоточку для визитныхъ карточекъ, которая свѣшивалась на грязной синей лентѣ съ небольшого выступа, какъ разъ посреди верхушки камина. Въ этой рѣшеткѣ, въ которой было три или четыре отдѣленія, было пять-шесть визитныхъ карточекъ и одно единственное письмо. Это послѣднее было очень засалено и скомкано. Оно было почти разорвано на-двое посрединѣ—какъ будто въ первую минуту у собственника было намѣреніе разорвать его совершенно, какъ ненужное, но намѣреніе тотчасъ же измѣнилось, или задержалось. На письмѣ была широкая, черная печать, съ шифромъ Д.—, весьма явственнымъ, и оно было адресовано мелкимъ женскимъ почеркомъ самому Министру Д. — . Письмо было брошено небрежно и даже, какъ казалось, съ пренебреженіемъ, въ одно изъ верхнихъ отдѣленій рѣшетки.

„Едва только я замѣтилъ это письмо, какъ составилъ заключеніе, что это именно то самое, чего я ищу. Конечно, по виду оно рѣзко отличалось отъ того, подробное описаніе котораго Префектъ намъ читалъ. Здѣсь печать была большая и черная, съ шифромъ Д. ; тамъ она была маленькая и красная, и съ герцогскимъ гербомъ фамиліи С. — . Здѣсь адресъ, Министру, былъ написанъ мелкимъ жен-

скимъ почеркомъ; тамъ адресъ, нѣкоторой Царственной Особѣ, былъ написанъ почеркомъ очень смѣлымъ и рѣшительнымъ; одинъ лишь размѣръ составлялъ пунктъ сходства. Но *рѣзкій характеръ* этихъ различій, столь чрезвычайный,—то, что письмо было загрязнено, засалено, и надорвано,—столь несогласный съ настоящими методическими привычками Д.—, и столь указывающій на намѣреніе обмануть наблюдателя, внушить ему мысль о ничтожности документа,—все это, вмѣстѣ съ самымъ назойливымъ положеніемъ даннаго документа, находившагося прямо передъ глазами каждаго проходящаго, и бывшаго такимъ образомъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что я уже раньше установилъ,—все это, говорю я, весьма сильно подкрѣпляло подозрѣніе того, кто пришелъ съ намѣреніемъ подозрѣвать.

„Я продлилъ мой визитъ какъ только было возможно, и въ то время какъ я поддерживалъ самый оживленный разговоръ съ Министромъ о предметѣ, который, какъ я зналъ, всегда вызывалъ въ немъ самый оживленный интересъ, вниманіе мое было, въ дѣйствительности, приковано къ этому письму. При этомъ разсматриваніи я запомнилъ его внѣшній видъ и его положеніе въ рѣшеткѣ; и, наконецъ, сдѣлалъ открытіе, окончательно устранившее какія-либо самонамѣнныя сомнѣнія, которыя я еще могъ имѣть. Разсматривая края бумаги, я замѣтилъ, что они болѣе стерты, чѣмъ это казалось необходимымъ. Они имѣли видъ *сломанннй*, который получается, когда твердую бумагу, послѣ того какъ ее сложили и разгладили, сложили вновь въ обратномъ направленіи такими же складками, и образуя такія же края, какъ это было первоначально. Это открытіе было завершительнымъ. Для меня было ясно, что письмо было вывернуто, какъ перчатка, внутренней стороною наружу, вновь положено въ конвертъ, и снова запечатано. Я распростился съ Министромъ и немедленно удалился, оставивъ у него на столѣ мою золотую табакерку.

„На слѣдующее утро я зашелъ за табакеркой, и мы, съ оживленіемъ продолжали нашъ разговоръ предыдущаго дня. Въ то время какъ мы такъ разговаривали, подъ самыми окнами квартиры Министра раздался громкій выстрѣлъ, какъ-бы изъ пистолета, и за нимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ страшныхъ криковъ и воплей испуганной толпы. Д.— бросился къ окну, раскрылъ его и сталъ смотрѣть на улицу. Я въ это время подошелъ къ рѣшеткѣ для карточекъ, взялъ письмо, положилъ его къ себѣ въ карманъ, и положилъ на его мѣсто *факсимиле* (поскольку дѣло касалось внѣшняго вида), которое я заботливо приготовилъ у себя дома—изобразивъ шифръ Д.— весьма искусно, съ помощью печати, сдѣланной изъ хлѣбнаго мякиша.

„Суматоха на улицѣ была вызвана полоумнымъ поведеніемъ нѣкоего человѣка съ мушкетомъ. Онъ выстрѣлилъ изъ него, находясь въ толпѣ, среди женщинъ и дѣтей. Оказалось, однако, что въ ружьѣ не было пули, и чудачу предоставили идти своей дорогой, сочтя его за сумасшедшаго, или пьянаго. Когда онъ ушелъ, Д.— отошелъ отъ окна, куда я за нимъ послѣдовалъ тотчасъ-же, послѣ того какъ завладѣлъ надлежащимъ предметомъ. Вскорѣ послѣ этого, я распростился съ нимъ. Мнимый сумасшедшій былъ мной подкупленъ“.

„Но какая у васъ была цѣль“, спросилъ я, „когда вы на мѣсто письма положили его *факсимиле*? Не лучше ли бы было во время перваго же визита напрямки захватить его и отбить?“

„Д.—“, отвѣчала Дюпенъ, „человѣкъ отчаянный и человѣкъ сильный. Въ квартирѣ его, кромѣ того, нѣтъ недостатка въ слугахъ, преданныхъ его интересамъ. Если бы я сдѣлалъ безумную попытку, о которой вы говорите, я могъ не выйти отъ него живымъ. Добрые Парижане могли бы вовсе ничего не услышать обо мнѣ. Но, кромѣ того, я имѣлъ здѣсь свое особое соображеніе. Вы знаете

мои политическія предрасположенія. Въ данномъ случаѣ, я дѣйствую какъ сторонникъ заинтересованной дамы. Въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ она была игрушкой въ рукахъ Министра. Теперь онъ игрушка въ ея рукахъ, ибо, не зная, что письмо болѣе не находится въ его обладаніи, онъ будетъ дѣлать свои вымогательства такъ, какъ если бы письмо еще было у него. Такимъ образомъ, онъ неизбѣжно совершитъ самъ, и немедленно, свое политическое крушеніе. Его паденіе будетъ, кромѣ того, столь же стремительно, какъ неуклюже. Весьма удобно говорить о *facilis descensus Avernī* *), но во всѣхъ разрядахъ вскарбыванія, какъ Каталани говоритъ о пѣниі, гораздо легче взобраться, нежели спуститься. Въ данномъ случаѣ, я не питаю сочувствія — во всякомъ случаѣ не испытываю состраданія — къ тому, кто нисходитъ. Этотъ господинъ есть *monstrum horrendum*, чудовище, достойное отвращенія, безпринципный человѣкъ, отмѣченный гениемъ. Признаюсь, однако, что я очень хотѣлъ-бы знать точный характеръ его мыслей, когда, будучи на это вызванъ тою, кого Префектъ именуешь „нѣкоторая пзвѣстная особа“, онъ вынужденъ будетъ вскрыть письмо, которое я ему оставилъ въ его рѣшеткѣ для карточекъ“.

„Какъ, развѣ вы туда помѣстили что-нибудь особенное?“

„Почему нѣтъ! Это имѣло бы не вполне благоприличный видъ, если бы внутри была лишь бѣлая бумага — это было бы оскорбительно. Д. — однажды сыгралъ съ мною въ Вѣнѣ скверную шутку, и въ наилучшемъ расположеніи духа я ему сказалъ, что я это припомню. Такимъ образомъ, зная, что онъ будетъ испытывать нѣкоторое любопытство касательно того, кто перехитрилъ его, я подумалъ, что было бы жаль не дать ему ключа. Онъ хорошо знакомъ съ

*) О легкомъ нисшествіи въ Преподвюю.

моимъ почеркомъ, и какъ разъ посреди бѣлой страницы,
я переписалъ слѣдующія слова—

„ — — Un dessin si funeste

S' il n'est digne d'Atrée, est digne de Thyeste“ *).

Вы найдете это въ „*Atrée*“ Кребиллона“.

*) Замыселъ столь пагубный, если онъ недостоинъ Атрея,
достоинъ Тieste.